

КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ И РАЦИОНАЛИСТИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ

В.М. Дианова
(Санкт-Петербург)

Конституировавшаяся в последние годы в качестве самостоятельной учебной дисциплины «История культурологии» представляет собой историко-философский экскурс, показывающий этапы и особенности формирования культурфилософских теорий. В этой связи выявлен целый ряд мыслителей, которых «школьная философия» отнесла к разряду культурологов, выделив в их наследии ряд идей, отвечающих проблематике и инструментарию этой новой научной дисциплины, обретшей официальный статус лишь в последнее десятилетие XX века. При пристальном изучении наследия и некоторых фактов из биографии ряда основоположников новой науки обнаруживаются вполне аргументированные позиции, а порой и любопытные подробности, свидетельствующие о наличии некоей конфронтации между их идеями и идеями некоторых представителей рационалистической философии. Полагаем, их своеобразные позиции лишь более отчетливо оттеняли кардинальные идеи ведущих и признанных философов того времени, способствующих созда-

нию, обоснованию и упрочению основополагающих парадигмальных констант. Среди последних можно назвать веру в рационализм, прогресс, порядок, стремление к истине и др., то есть как раз то, что подвергалось известной корректировке или же получало иную трактовку в набирающей силу культурологической мысли.

И это вполне объяснимо, ибо культурологическую мысль отличает широкое поле исследования: включение в свой арсенал эмпирических фактов, использование не только рационального мышления, но и других форм когнитивной деятельности, интерес к изучению профанного, обыденного и целый ряд других качеств. И если сегодня принадлежность к разряду культурологов такую манеру философствования и интерпретацию фактов делает вполне легитимной, то в былые времена этой сфере гуманитарного знания не было присвоено самостоятельного статуса, что и решило во многом судьбу культурологов того времени. Их мысль оказалась периферийной, а идеи, как правило, невостребованными.

К числу таких мыслителей можно отнести итальянца Дж. Вико, с которого, собственно, и начинается становление культурологии. В его наследии обнаруживается целый ряд идей, которые сегодня оказываются вполне актуальными: идея создания «Новой науки» в содружестве философии и филологии; своеобразная трактовка истины, провозглашающая обратимость истины и факта («*Verum et factum convertuntur*»); обоснование цикличности в человеческой истории и некоторые другие. Основной пафос излагаемых Вико идей направлен против несостоятельности многих идей картезианства как в сфере научного метода, так и в сфере философии. Вико возражает против неумного рвения к естественным наукам, следствием чего является небрежение законов человеческого поведения, страстей, их преломления в гражданской жизни, свойств пороков и добродетелей, типов рациональности и пр. Отличает Вико от картезианства отношение к прошлому, которое он склонен изучать, а не отбрасывать, с тем, чтобы выявить закономерности в минувшем, увидеть их в настоящем и предвидеть в будущем. Новое знание складывается не в результате отказа от прошлого, а через критическое переосмысление традиции ведет к оживлению прошлого в интересах настоящего. Не поступательное развитие истории, а некий циклизм, в котором он видит закономерность, отличает его от последователей Картезия. В отличие от представителей рационалистической философии, приверженцев панлогизма, Вико полагал, что обществом движет не «чистый разум», а простонародная мудрость, которая содержит в себе целый спектр составляющих: воображение, фантазию, поэтичность — ценимых им весьма высоко, — в то время как картезианство все, что не

укладывалось в рамки дедуктивно-аналитической модели знания, расценивало как «заблуждения». Вико пытался проникнуть в особенности ненаучного знания, отмечал его самоценность.

Приведем другой пример из истории взаимоотношений рационалистической философии и культурологической мысли, обратившись к фигуре Ж.-Ж. Руссо. Просветителем, но все же «еретиком», охарактеризован традиционной философской мыслью Ж.-Ж. Руссо, подвергший сомнению возможность наук и искусств в улучшении нравов и предостерегающий человечество от неумеренного увлечения совершенствования и развития науки и техники, что, по его мнению, грозит тем, что впоследствии получило наименование «техногенных катастроф». Он, как и Вико, не против разума и культуры, но он против такого разума и таких достижений культуры, которые не замечают определенных особенностей внутреннего мира человека. Эти его качества оценил О. Шпенглер, в глазах которого он — родоначальник процесса переоценки всех ценностей, подобно двум другим этическим глашатаям больших цивилизаций — Сократу и Будде. Осуществляемое Руссо воззвание к «естественному человеку» — это намерение приблизиться к природе и уйти от всепроникающего рационализма. Подобным иллюстративным примером дистанцирования рационалистической философии и культурологии может быть фигура И.Г. Гердера, творческое наследие которого рассматривают как принадлежащее Просвещению и, в то же время, как в некоторой степени ему противостоящее. К бесспорной заслуге этого немецкого мыслителя, среди ряда других, можно отнести возникшую благодаря его подходам научную этнологию культуры, нашедшую свое выражение в трудах М. Мосса и др. Как и в предыдущих наших примерах, так и в этом случае имело место некое непонимание творческой манеры ученого и его исследовательского метода со стороны философов рационалистической направленности. Так, весьма сложными были взаимоотношения Гердера и Фихте, Гердера и Канта. Последний, напомним, резко оценил некоторые взгляды Гердера, опубликованные им в «Идеях к философии истории человечества», осудив при этом эмоциональную манеру изложения и явный приоритет эмпирии при выведении общих суждений.

Таким образом, еще задолго до эпохи романтизма, открыто выступившей против гипертрофии рационализма во всех сферах духовной жизни, возникло противостояние основным тенденциям рационалистической философии, которое локализовалось в сфере тех учений, которые сегодня составляют историю культурологии. Можно расценить этот факт как некую конфронтацию или параллелизм, сложившийся в начале Нового вре-

мени, между рационалистической философией и формирующимися в то время первыми культурологическими теориями. Это дистанцирование можно интерпретировать как маргинальное, периферийное, ни в коей мере не ослабившее рационалистические интенции в культуре. Лишь с эпохой романтизма начинает формироваться собственно противостояние классической парадигме, что, по мнению М. Фуко, знаменует собой переход к современности.

Романтики не столько в сфере теоретических изысканий, но, главным образом, в области художественного творчества поставили ряд проблем, повернувших гуманитарную мысль к иному видению мира, стремящегося охватить мир целостно, полнокровно, в отличие от явно обедненного и неполного рационального его толкования, тем самым заявив о себе как о подлинных теоретиках культуры и, заметим, провозвестниках нового мироощущения.

Вслед за романтиками Шопенгауэр подверг критике рационалистическую философию, однако его можно рассматривать как некую пограничную фигуру, исходящую, в некоторой степени, из некоторых положений философии Канта, Платона. И только Ницше по-новому предложил рассматривать человеческие ценности, отверг рационалистическое толкование истины, понятие прогресса, показал несовершенство современной ему культуры, поставил проблему формирования иного человека и иной культуры мышления. Ницше ввел богатый понятийный материал, который оказался востребованным культурологами XX века. Он создал иную манеру письма, кардинально отличную от той, которая была принята классической философией, манеру, сближающего его с афористичностью и лаконичностью Гераклита, тем самым расширив поле ассоциаций и интерпретаций своих текстов. Он разрушил традиционную линейность текста, предъявив нам полифоничный, многоголосый текст. Эти и многие другие новации Ницше поставили его в контр-позицию по отношению к классической философии и, соответственно, отнесли его в область постклассической философии, которая оказались чрезвычайно близка культурологической мысли. Дильтей, Шпенглер, Розанов, Фуко — кто они: философы? культурологи? историки? литераторы?

Итак, подводя итог этому небольшому экскурсу в историю философской и культурологической мысли, заметим, что рационалистическая философия во многом противостоит культурологическим идеям, в то время как постклассическая философия чрезвычайно близка им, а порой сливается с ними, поскольку решает проблему своеобразного синтеза метафизических реконструкций и повседневного опыта людей.